

Франсиско Голдман
Скажи ее имя

Francisco Goldman
Say Her Name

Франсиско Голдман

Скажи ее имя

роман

Перевод с английского
Наталии Крыгиной

издательство **аст**
Москва

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

Г60

This edition published by arrangement with Grove Books USA /Atlantic, Inc.
and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Голдман, Франсиско

Г60 Скажи ее имя : роман / Франсиско Голдман ; пер. с английского
Н. Крыгиной. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 512 с.

ISBN 978-5-17-077831-7 (ООО "Издательство АСТ")

Американец Франсиско Голдман — известный журналист и писатель, автор трех романов, два из которых получили престижные литературные награды, и одной нон-фикшн книги — "Искусство политического убийства", вошедшей в число 100 лучших книг 2007 года по мнению The New York Times и Washington Post.

"Скажи ее имя", последний на сегодняшний день роман Франсиско Голдмана, основан на событиях его собственной жизни. В 2005 году поженились американец Франсиско и мексиканка Аура, писатель зрелый и писатель совсем молодой, но очевидно весьма талантливый. За месяц до второй годовщины их свадьбы Аура погибает. Семья девушки обвиняет во всем Франсиско, да он и сам винит себя в случившемся. Пытаясь осмыслить и пережить трагедию, Голдман пишет книгу. Но пережить для него не значит забыть. "Скажи ее имя" — это летопись всей жизни Ауры, повесть о ее детстве, студенческих годах, первых романах, первых писательских опытах, замужестве, страхах, мечтах и нелепой гибели. Но прежде всего это рассказ о том, как память тех, кто любит, делает нас бессмертными.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-077831-7 (ООО "Издательство АСТ")

© Francisco Goldman, 2011

© Н.Крыгина, перевод на русский язык, 2013

© А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013

© ООО "Издательство АСТ", 2013

Издательство CORPUS ®

Скажи ее имя

Владимир: А что, если нам раскаяться?

Эстрагон: В том, что родились?¹

СЭМЮЕЛ БЕККЕТ, *В ожидании Годо*

Смерть не бывает сама по себе — она всегда
чья-то.

СЕРЖ ЛЕКЛЕР

Навек ушла ты в мир иной,
Но мысль моя — всегда с тобой.
Ты — книга главная моя,
В тебя все вглядываюсь я,
Хоть слеп почти².

ГЕНРИ КИНГ, епископ Чичестерский,
Граурная элегия

Мне не хотелось быть быстрее,
иль зеленей, чем есть сейчас, когда б остался ты
со мной, О день,
прекраснейший из всех, что прожил я
ФРЭНК О'ХАРА, *Звери*

... и, возможно, ты все поймешь, когда окажешься
в раю после концерта с *Shanghai Vireau*. И быть
может, твой костюм медвежонка найдется
в Небесной кладовой.

АУРА ЭСТРАДА, *Мои шанхайские дни*

1 Перевод А. Михаиляна.

2 Здесь и далее перевод В. Лунина.

1

Аура умерла 25 июля 2007 года. В первую годовщину ее смерти я вернулся в Мексику, мне хотелось оказаться там, где все случилось — на том самом пляже на берегу Тихого океана. И теперь, второй раз за год, я еду домой в Бруклин без нее.

За три месяца до смерти, 24 апреля, Ауре исполнилось тридцать. Мы были женаты два года без двадцати шести дней.

Мать и дядя Ауры обвинили в ее смерти меня. Не то чтобы я считал себя невиновным. На месте Хуаниты, уверен, я тоже захотел бы упрятать меня за решетку. Но совсем по иной причине, чем думают она и ее брат.

С этого момента, если ты хочешь что-то сообщить, делай это письменно, сказал мне по телефону Леопольдо, дядя Ауры, известив, что выступает поверенным Хуаниты в деле против меня. С тех пор мы не разговаривали.

Аура

Аура и я

Аура и ее мать

Ее мать и я

Треугольник любви и ненависти, или я не знаю

*Mi amor*¹, неужели это действительно происходит?

*Où sont les axolotls?*²

1 Любовь моя (*исп.*).

2 Где же аксолотли? (*фр.*)

Где бы Аура ни расставалась с матерью, будь то в аэропорту Мехико, или вечером на пороге ее квартиры, или после похода в ресторан, каждый раз мать норовила взмахом руки осенить ее крестным знамением и прошептать короткую молитву Деве Гваделупской, прося спасти и сохранить свою дочь.

Аксолотли — разновидность саламандр, чье развитие замирает на личиночной стадии, нечто вроде головастиков, которые никогда не становятся лягушками. Они в изобилии водились в прудах вокруг древнего Мехико и были излюбленной пищей ацтеков. Считается, что аксолотли до сих пор обитают в солоноватых каналах Сочимилько; на самом же деле они исчезли и отсюда. Они выжили в аквариумах, лабораториях и зоопарках.

Ауре нравился рассказ Хулио Кортасара о человеке, которого так заморозили аксолотли в парижском Ботаническом саду, что он сам превратился в аксолотля. Каждый день, порой и трижды в день, безымянный человек приходит в Ботанический сад, чтобы понаблюдать за странными маленькими существами в тесном аквариуме, за их полупрозрачными белесыми телами и изящными рептильными хвостами, за плоскими, розовыми, по-ацтекски треугольными личиками и миниатюрными лапками с почти человеческими пальцами, за причудливыми рыжеватыми отростками, идущими от жабр, за золотистым блеском их глаз, за мнимой неподвижностью, прерываемой редким подергиванием жабр, за их способностью молниеносно уплыть одним волнообразным движением тела. Они казались настолько неземными, что он уверился: это не просто животные, между ним и аксолотлями существует мистическая связь — аксолотли каким-то образом оказались пленниками своих тел и, глядя на него мерцающими золотыми

глазами, умоляют их освободить. Однажды человек, как обычно, смотрел на аксолотлей, приблизив лицо почти вплотную к стенке аквариума, и прямо на середине предложения его “я” оказалось по ту сторону, и вот оно уже смотрит сквозь стекло изнутри; так произошло перевоплощение. В завершение аксолотль надеется, что, связав два бессловесных одиночества, ему удалось достучаться до человека, что тот его понял и больше не приходит к аквариуму потому, что где-то пишет рассказ о том, каково это — быть аксолотлем.

Впервые мы с Аурой вместе поехали в Париж спустя пять месяцев после ее переезда ко мне. Больше всего на свете ей хотелось попасть в Ботанический сад, чтобы увидеть аксолотлей Кортасара. Она и раньше бывала в Париже, но рассказ Кортасара попался ей совсем недавно. Не подумайте, что мы летели в Париж только ради аксолотлей, вообще-то Ауру ждало собеседование в Сорбонне: она собиралась перевестись туда из Колумбийского университета. В наш самый первый вечер в Париже мы отправились в Ботанический сад и купили билет в его маленький зоопарк XIX века. Напротив входа в дом амфибий, он же виварий, был закреплен плакат с информацией на французском об амфибиях и вымирающих видах, с изображением профиля красножабрового аксолотля, его счастливого инопланетного личика, белых обезьяньих ручек и ладошек. Внутри по периметру комнаты тянулся ряд резервуаров — тускло освещенных прямоугольников, вделанных в стену, в каждом располагалась та или иная влажная среда

обитания: мхи, папоротники, камни, ветки деревьев, водоемы. Читая надписи, мы переходили от резервуара к резервуару: разнообразные виды саламандр, тритонов, лягушек, но никаких аксолотлей. Мы еще раз обошли помещение на случай, если вдруг проглядели. В конце концов Аура обратилась к охраннику — мужчине средних лет в униформе — и поинтересовалась насчет аксолотлей. Он ничего о них не знал, но, видимо, что-то в выражении лица Ауры заставило его задуматься, он попросил ее подождать, вышел и вскоре вернулся с женщиной чуть моложе себя в синем лабораторном халате. Они с Аурой тихо беседовали по-французски, так что я не мог понять суть их разговора, но женщина выглядела милой и оживленной. Затем мы вышли наружу, и Аура какое-то время стояла совершенно ошеломленная. Потом она рассказала, что эта женщина помнит аксолотлей и даже говорит, что скучает по ним. Но несколько лет назад их забрали и поместили в какую-то лабораторию. Аура была в пепельно-сером шерстяном пальто, в светлом, шерстяном, обмотанном вокруг шеи шарфе, пряди ее черных прямых волос в беспорядке рассыпались, обрамляя нежные круглые щеки, горевшие, словно обожженные морозом, хотя на улице было совсем не холодно. Слезы — не поток, всего несколько слезинок, теплых соленых слезинок выкатились из переполненных глаз Ауры и поползли вниз по щекам.

Ну кто, скажите, плачет из-за подобных вещей, подумалось мне. Окунаясь в просоленное тепло Ауры, я поцеловал ее слезинки. То, что отсутствие аксолотлей так расстроило Ауру, казалось частью

той же тайны, которую в мечтах аксолотля должен был раскрыть человек в рассказе Кортасара. Я же всегда хотел знать, каково это — быть Аурой.

Où sont les axolotls? — написала она в своем дневнике. Где они?

Аура переехала ко мне в Бруклин примерно через шесть недель после своего прибытия в Нью-Йорк из Мехико. У нее было несколько образовательных стипендий, включая Фулбрайтовскую и стипендию мексиканского правительства на получение ученой степени по испаноязычной литературе в Коламбии — Колумбийском университете. Мы прожили вместе почти четыре года. В Коламбии она делила жилье с другой иностранной студенткой, корейкой, специалистом в какой-то узкой области ботаники. Прежде чем перевезти вещи Ауры к себе, я всего два или три раза видел их квартиру. Самая обычная, похожая на вагон, с длинным узким коридором, двумя спальнями и гостиной в передней части. Студенческое жилье с кучей студенческого барахла: ее книжный шкаф из “Икеи”, набор угольно-черных кастрюль, сковородок и другой утвари, красное бескаркасное кресло, стереомагнитофон, небольшой ящик для инструментов, все еще затянутый упаковочной пленкой, тоже из “Икеи”. Заваленный одеждой матрас на полу. При виде всего этого у меня защемило сердце от тоски по студенческим временам, по юности. Мне до смерти захотелось заняться с ней любовью прямо здесь, на роскошном беспорядке этой постели, но она беспокоилась, что нас может застукать соседка, так что ничего не произошло.

Я увез ее из этой квартиры, оставив соседку, с которой у Ауры были приятельские отношения, в одиночестве. Правда, примерно через месяц, когда

Аура окончательно решила, что останется у меня, она нашла на свое место другую студентку, русскую девушку, которая должна была понравиться кореянке.

Там, на пересечении Амстердам-авеню и 119-й улицы, Аура жила на окраине кампуса. Теперь же из Бруклина ей приходилось ездить в университет на метро, по часу в одну сторону, обычно в самую давку, — и так чуть ли не каждый день. Она могла доехать по линии F с пересадкой на 14-й улице, продираясь через лабиринт эскалаторов и длинных переходов, ледяных и зловещих зимой, добраться до экспрессов линий 2 и 3 и пересесть на местный поезд на 96-й улице. Или могла пройти двадцать пять минут пешком до Боро-холла и сесть на “двойку” или “тройку” там. В итоге она выбрала второй вариант и ездила так почти каждый день. Зимой на этом отрезке было зверски холодно, особенно в тонких шерстяных пальтишках, которые она носила, пока я не уговорил разрешить мне купить ей одно из этих пуховых пальто с капюшоном фирмы “Норт Фейс”, упаковавшее ее с макушки до колен в нашпигованный гусиным пухом синий нейлон. Нет, *mi amor*, ты не выглядишь в нем толстой. Не только ты, любой в нем выглядит как прогуливающийся спальный мешок, да какое кому дело? Не лучше ли быть в тепле и уюте? В этом пальто с застегнутым под подбородком воротником, в капюшоне, с блестящими черными глазами, она была похожа на маленькую ирокезку, высунувшуюся из маминной заплечной сумки, и в холод она уже не выходила ни в чем другом.

Ее ежедневные продолжительные поездки осложнялись еще и тем, что она регулярно терялась.

По рассеянности она могла пропустить свою остановку или сесть на поезд не в ту сторону и, погруженная в книгу, мысли, айпод, не замечала, как оказывалась в недрах Бруклина. Затем она звонила из телефона-автомата с какой-нибудь станции, о которой я никогда прежде не слышал: привет, *mi amor*, слушай, я на Беверли-роуд, снова не туда уехала, — и хотя голос ее звучал совершенно обыденно, подумавшись, очередной замотанный ньюйоркец борется с превратностями жизни в большом городе, она была как будто сбита с толку. Она не любила, когда ее дразнили из-за постоянной путаницы с поездами или умения заплутать в трех шагах от дома, но иногда я не мог отказать себе в этом удовольствии.

С первого и практически до последнего дня нашей жизни в Бруклине я каждое утро провожал ее до подземки, за исключением тех случаев, когда она ехала до Боро-холла на велосипеде и оставляла его пристегнутым на стоянке (однако это так и не вошло у нее в привычку и не продлилось долго, поскольку бездомные пьянчуги и наркоманы Нижнего Бруклина постоянно воровали ее велосипедное седло); или когда шел дождь, или она так сильно опаздывала, что брала такси до Боро-холла; или в тех редких случаях, когда она, как маленький торнадо, разъяренно выскакивала за дверь, потому что время поджимало, а я все сидел в туалете и кричал, чтобы она подождала меня; или в те два или три раза, когда я чем-то так ее достал, что она категорически не хотела, чтобы я шел с ней.

Обычно я все же провожал ее до станции линии F на Берген или до Боро-холла. И хотя в конце кон-

цов мы договорились, что, если она едет с Борохолла, я довожу ее только до магазинчика французского паренька на Веранда-плейс — у меня тоже была работа, и я не мог позволить себе терять по часу в день на прогулки до станции и обратно, — каждый раз она пыталась утащить меня дальше до Атлантик-авеню, или до Борохолла, или даже до самого университета. В таком случае я проводил день в Библиотеке Батлера — за несколько семестров до этого я участвовал в мастер-классе для писателей в Коламбии и сохранил пропуск — читал, что-то черкал, пытался писать в блокноте или сидел за одним из библиотечных компьютеров, проверяя почту и убивая время просмотром интернет-изданий, традиционно начиная со спортивного раздела “Бостон глоуб” (я вырос в Бостоне). Обычно мы обедали в “Олли”, потом шли в “Ким” просаживать деньги на *DVD* или *CD* или неспешно прохаживались по “Книжному лабиринту”, в результате набирая тяжелую кипу книг, читать которые не было времени ни у одного, ни у другого. В те дни, когда ей не удавалось дотащить меня до университета, она иногда звонила и просила приехать на обед, и примерно через раз мне все равно приходилось проделывать весь этот путь. Аура поговаривала: Франсиско, я выходила замуж не для того, чтобы есть в одиночестве. Я выходила замуж не для того, чтобы оставаться одной.

Во время наших утренних прогулок до метро в основном говорила Аура: о своих занятиях, преподавателях, других студентах, идеях для нового расска-

за или повести, или о матери. Когда она была особенно встревожена привычными неурядицами, я старался по-новому воодушевить ее или перефразировал и повторял бывшие увещания. Но больше всего я любил, когда она вдруг начинала останавливаться на каждом шагу, чтобы, словно тигренок, поцеловать или укусить меня за губу; любил ее мимический беззвучный смех над моими охами и то, как она обижалась: ты меня больше не любишь, да? — если я не брал ее за руку или не обнимал тогда, когда ей этого хотелось. Я любил этот наш ритуал, за исключением тех моментов, когда на меня накатывало беспокойство: “Как, черт побери, я смогу закончить следующую книгу рядом с женщиной, которая каждое утро заставляет провожать ее до метро и умудряется притащить меня в Колумбийский университет просто для того, чтобы с ней пообедать?”

До сих пор я часто воображаю себе, что мы с Аурой гуляем вместе. Иногда я представляю ее ладонь в моей и немного отставляю руку в сторону. Теперь никто не удивляется человеку, разговаривающему с самим собой на улице, ведь он наверняка говорит через какой-нибудь “блютус”. Другое дело, когда у тебя красные зареванные глаза, а губы искривлены плачем. Интересно, что они при этом думают? Какие причины для слез предполагают? Им кажется, что я для них открытая книга.

Это был первый день после смерти Ауры. В Бруклине на углу Смит и Юнион, на другой стороне дороги, я заметил пожилую женщину, готовящуюся перейти улицу, обычную пожилую леди,

откуда-то по соседству: аккуратные седые волосы, немного ссутуленная спина, милое выражение на бледном лице со слегка отвисшим подбородком. Она выглядела так, будто в терпеливом ожидании зеленого сигнала светофора наслаждалась октябрьским днем и солнечным светом. Мысль пронзила меня как осколок снаряда: Аура никогда не узнает, что такое старость, она никогда не сможет оглянуться на свою долгую жизнь. Как это несправедливо, крутилось в голове, Аура не станет той милой благовоспитанной старушкой, которой ей, скорее всего, суждено было стать.

Суждено. Было ли мне тогда суждено стать частью жизни Ауры или я вломился без спросу и разрушил predetermined ход событий? Может, Аура должна была выйти замуж за кого-то другого, за студента Колумбии, за парня, который не мог удержаться от застенчивого поглядывания на нее, сидя за соседним столиком в Библиотеке Батлера или в Венгерской кондитерской? Можно ли с какой-либо долей вероятности утверждать, что нам было что-то суждено, до тех пор пока это с нами не случилось? А как насчет ее собственной воли, персональной ответственности и личного выбора? Когда зажегся зеленый, и я перешел Смит-стрит, заметила ли старушка выражение моего лица? Не знаю. Мой мутный взгляд уперся в мостовую, и я хотел только одного: вернуться в нашу квартиру. Там было больше Ауры, чем где бы то ни было.